

мяти Бетьюна. — Всем нам нужно учиться у него бескорыстия и самоотверженности. Именно так можно стать человеком, приносящим великую пользу народу».

Перевод книги, выполненный А. Файнгаром, — первая большая самостоятельная работа молодого литератора. Повесть написана простым, ясным языком. Это обстоятельство иногда усыпляет внимание переводчика,

и слова как бы сами собой укладываются в предложение, работа идет легко и споро. Но беда в том, что временами переводчику попадает под руку словесный материал, лежащий на поверхности, и фраза получается недостаточно выразительной. С подобными промахами мы встречаемся и в повести. В целом же стиль подлинника передан удачно.

Имя доктора Бетьюна

уже знакомо советскому читателю по книге Т. Аллана и С. Гордона «Скальпель и меч», отдельные главы из которой были опубликованы в 1956 году в журнале «Иностранная литература». Нет сомнения, что и книга Чжоу Эр-фу о мужественном и стойком борце за счастье людей докторе Бетьюне тепло будет встречена нашей общественностью.

А. Тишков

ГОЛОС ПОДЛИННОЙ ФРАНЦИИ



Louis Aragon. Choix de poemes. Составитель сборника, автор послесловия и комментария Н. Козлова. Moscou, Editions en langues étrangères, 1959. 326 p.



«Всякая подлинная поэзия рождается под воздействием могучих и светлых сил истории, и всякая подлинная песнь коллективна и национальна по своему характеру... Голоса поэтов — это прежде всего голоса самих народов, самих наций», — говорил Луи Арагон в одном из своих выступлений.

Голос современной Франции прозвучал для советского читателя и в книге избранных поэтических произведений Луи Арагона, вышедшей на французском языке в Москве. До сих пор лишь отдельные стихотворения Арагона появлялись у нас в оригинале.

В книге собрана, конечно, лишь небольшая часть лирического творчества поэта, начиная с 30-х годов и до 1956 года. Но надо сказать, что отбор произведен удачно. Жаль только, что из второй и третьей части поэмы «Неоконченный роман» выпали многие замечательные места из тех, которые делают произведение Арагона лирической эпопеей, в которой отражены важнейшие исторические события середины XX века.

Даже в этой небольшой

книге явственно звучат доминирующие мелодии многоголосой поэтической симфонии Арагона. С 30-х годов поэт обращается «к миллионам людей, которые изменят мир». Он стремится и своими стихами и прозой участвовать в этом преобразовании жизни. Требуя «возврата к реальности» и продолжая лучшие традиции реализма во французской литературе, он хочет идти дальше, создавать реализм нового типа, социалистический, в прозе и в поэзии.

Арагон действительно осуществляет свои принципы, делая огромный шаг вперед в те годы, когда, по его словам, «обстоятельства определяют обновление национального чувства» и «возрождается вкус к эпосу, эпическая поэзия», — в годы войны и Сопротивления.

Разве «Сирень и розы», как и многие другие стихотворения военных лет; будучи глубоко лирическим выражением личного и всенародного горя, не представляет собой в то же время эпически обобщенное отражение национальной трагедии? Эти сжатые до предела маленькие эпопеи как бы предвещают созданную впоследствии эпическую прозу «Коммунистов», отразившую уже в монументальной форме ту же национальную трагедию. И так же, как в «Коммунистах», в лирике Арагона есть ясное понимание причин этой трагедии, сатирическое обличение ее виновников — тех, кто предали Францию, наконец есть непобедимая воля к борьбе

и вера в освобождение, звучащая все с большей силой по мере роста Сопротивления. Ибо поэт-коммунист выступает с позиции народа и его авангарда, который знает путь к освобождению и борется.

Взгляды Арагона на вопросы поэтической формы ясно выражены в статьях, написанных во время войны (отрывки из двух статей помещены в рецензируемой книге). Арагон тесно связывает развитие поэтической формы с историческим движением общества, раскрывает истоки французской национальной рифмы и показывает пути ее образования, обогащения, освобождения от стесняющих правил. В речи на II съезде советских писателей поэт снова, как и в ряде других выступлений, подчеркнул необходимость сочетания новаторства с традицией, отверг пустое оригинальничанье.

Замечательная особенность лирики Арагона — ее социалистический гуманизм, глубочайшее слияние самого интимного, личного чувства с общенародными переживаниями. О родине он говорит с такой же нежностью, как о любимой женщине, о политических решениях партии — как о бичении собственного сердца. Таков образ «ветра из Арля» (намек на IX, Арльский съезд компартии Франции, бросивший призыв к национальному объединению против фашизма). В этом ветре поэт слышит «звуки, слишком близкие сердцу, чтобы говорить о них вслух в те дни, когда

пожелтевшие болота Ониса и Сентонжа еще изборождены танками завоевателей» («Та, что прекраснее слез»).

Лейтмотив всего творчества Арагона — любовь. Не случайно в сборнике его произведений, появившемся весной прошлого года в Париже, опубликована статья «На жизнь мадонны Эльзы», в которой Арагон говорит, что подлинно художественная любовная лирика не есть нечто второстепенное, напротив, она выражает высший подъем душевных сил человека. И глубина любви к близкой женщине у лирического героя Арагона — нового человека не только не отъединяет его от окружающего мира, от других людей, но еще более сближает с ними, что, в свою очередь, стократ обогащает его личность, его чувство.

В поэмах «Глаза и память» и «Неоконченный роман», завершающих книгу,

раскрыт перед читателем путь их автора — человека, поэта, борца, — раскрыта наша эпоха, сформировавшая его, дан образ партии, которая ему «вернула глаза и память», «цвета Франции».

Оптимизм этих поэм выстрадан долгим опытом жизни и коллективной борьбы, пронесен через жестокие испытания. Коммунистический идеал предстает перед поэтом не как утопия, а как реальность во всем ее многообразии, с тяготами, порой разочарованиями — и все же с «чудесами, которые она вершит на свой лад».

Предельно искреннее и обобщенное выражение нашла в этих поэмах любовь поэта не только к своей родине, но и ко всем народам мира, к партии, которая борется за их счастье, и к стране, впервые проложившей трудный путь социализма для всех людей, — к Советскому Союзу.

Поэзия Арагона, как и его проза, свидетельствует о том, что «он верен своему слову и великолепно служит жизни, прогрессу, людям в борьбе за обновление» (Морис Торез).

Арагон мог бы сказать о любом своем значительном произведении то, что сказал о романе «Страстная неделя»: «Я не мог бы написать его, если б не был коммунистом».

Послесловие к книге стихов Арагона написано со знанием дела. Комментарии составлены подробно и тщательно, правда, некоторые имена и понятия, требующие пояснения для советского читателя, все же пропущены в них. Есть ошибки, хотя и немногие. Впрочем, в целом, повторим, книга сделана добротной. Можно только приветствовать подобные издания лучших зарубежных поэтов.

Ф. Брескина

РАССКАЗЫ БОСНИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Петар Кочич. Барсук перед судом. Рассказы. Перевод с сербохорватского под редакцией М. Эфрос. Составление И. Макаровской. Послесловие М. Богданова. Москва, Гослитиздат, 1960. 339 стр.

В этом томике собраны лучшие произведения талантливого и самобытного боснийского писателя Петара Кочича (1877—1916), творчество которого неразрывно связано с борьбой за освобождение его родины от ига австро-венгерской монархии. Боснийцы любили своего «Петрича». Они знали его произведения на память и слагали о нем песни. Нельзя без волнения читать страницы из тюремного дневника Кочича, на которых он рассказывает о простых людях, собиравшихся под окнами тюрьмы и про-

сивших узника разрешить им силой освободить его.

Герои рассказов Кочича — крестьяне, задавленные имперской бюрократической машиной, обираемые помещиками, никогда не теряют чувства собственного достоинства. Они смелы, умны и по-крестьянски лукавы. Таков герой знаменитой сатиры Кочича «Барсук перед судом» Давид Штрабац, явившийся с жалобой в австрийский суд. Идейный смысл этого произведения раскрывает эпиграф к нему: «Кто искренне и страстно любит Правду, Свободу и Отечество, свободен и неустрашим, как бог, и презираем и голоден, как собака». Штрабац с виду простодушен, и, чем глупее кажутся судье-чужеземцу его речи, тем ядовитее намеки в них на власть предрержавших. Этот человек из народа одерживает моральную победу над судьей и доктором. И уже не смешат, а будят заключительные слова Давида: «...и оттого я вам чудным кажусь, что в



груди у меня миллион сердец, а во рту — миллион языков, ведь сегодня перед вашим судом плакал я о миллионах душ, которые от большой вашей заботы и доброты при смерти и едва дышат!»

Любовь к отчизне, ненависть к угнетателям сделали произведения Кочича страстными, волнующими. А его маленькие новеллы и стихи в прозе не оставят равнодушными даже самых